DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-66-71
УДК 811.161.1

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В РОМАНЕ ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»

© Константин Калинин

NON-PERSONAL DIRECT SPEECH IN EVGENY VODOLAZKIN'S NOVEL "BRISBANE"

Konstantin Kalinin

This article studies non-personal direct speech as a means of artistic expression in modern Russian literature. The text of the novel "Brisbane" by the popular writer Evgeny Vodolazkin was selected for our analysis. The novelty of the research is the study of its expressive syntax. The widespread use of non-personal direct speech in this work allows us to draw a number of important conclusions regarding the place of reception in the space of a literary text. Note that non-personal direct speech helps to convey the attitude of the characters to each other and to the events described, and also reveals the author's standpoint. Uncertainty, that the words were uttered, blurs the boundaries between what was said and what was not, which transfers phrases into the field of mental comprehension of the world. In some examples, non-personal direct speech is an imitation of the flow of real time in an artistic space, it allows you to convey intonations of live, oral speech within the artistic text. Non-personal direct speech can form a monological and a dialogical unity and serve as a means of informing the reader about the described object. As frequent linguistic constructions that form non-personal direct speech in the novel "Brisbane", one can name plug-in constructions, rhetorical questions and rhetorical exclamations. In general, the use of non-personal direct speech in the text increases the expressiveness of especially significant episodes and enhances the rhetoric of the statement.

Keywords: non-personal direct speech, author's speech, speech of characters, monological and dialogical unity in the text, expressiveness of utterance.

Статья посвящена изучению несобственно-прямой речи как средства художественной выразительности в современной русской литературе. Для анализа выбран текст романа «Брисбен» популярного писателя Евгения Водолазкина. Это произведение ещё не привлекалось для изучения в аспекте функционирования в нём средств экспрессивного синтаксиса, что и обуславливает новизну исследования. Широкое употребление в произведении несобственно-прямой речи позволяет сделать ряд важных выводов относительно места приёма в пространстве художественного текста. Отметим, что несобственно-прямая речь помогает передать отношения персонажей друг к другу и к описываемым событиям, а также раскрывает авторскую позицию. Отсутствие уверенности в том, что слова были произнесены, размывает границы между сказанным и несказанным. Это переводит фразы в область мысленного постижения мира. В некоторых примерах употребление несобственно-прямой речи представляет собой имитацию течения реального времени в художественном пространстве, позволяет передать интонации живой, устной речи в пределах художественного текста. Несобственно-прямая речь может оформлять монологические и диалогические единства, служить средством информирования читателя об описываемом объекте. В качестве частых языковых конструкций, оформляющих несобственно-прямую речь в романе «Брисбен», можно назвать вставные конструкции, риторические вопросы, риторические восклицания. В целом, употребление в тексте несобственно-прямой речи повышает экспрессивность особо значимых эпизодов, усиливает риторичность высказывания.

Ключевые слова: несобственно-прямая речь, авторская речь, речь персонажей, монологические и диалогические единства в тексте, экспрессивность высказывания.

В современной художественной литературе актуализируются многие языковые приёмы преодоления традиционного построения текста. К числу таких приёмов относится несобственно-

прямая речь, которая получила широкое употребление как стилистическая фигура экспрессивного синтаксиса. Согласно определению Н. С. Валгиной, несобственно-прямой речью на-

зывается «чужая речь, непосредственно включённая в авторское повествование, сливающаяся с ним и не отграничивающаяся от него» [Валгина, с. 411]. Такое включение чужой речи в авторский текст предоставляет писателю большую свободу в построении произведения. Это позволяет ему более полно выразить свою позицию относительно описываемого в произведении. В точке перехода к чужой речи, включения «чужого» высказывания в прозаический текст отражается смена эмоциональной направленности [Ворон, с. 50]. Это делает несобственно-прямую речь важным аспектом достижения единства художественного текста [Русский язык, с. 162] как для писателей, так и для исследователей.

Рассмотрим художественные возможности употребления несобственно-прямой речи в тексте современной русской литературы на примере романа Евгения Водолазкина «Брисбен».

Перед описанием конкретных примеров считаем важным сделать следующую оговорку. В исследовании нами используется широкое понимание несобственно-прямой речи, которое включает в себя любые отклонения от строгого оформления прямой речи. Поэтому в статье рассматривается ряд примеров, в которых несобственно-прямая речь граничит с прямой, но не оформлена как последняя. В других исследованиях такие конструкции определяются как «непомеченная прямая речь» и «полупрямая речь». По своим функциональным особенностям такие конструкции приближаются к несобственно-прямой речи и привлекают внимание читателя. Вместе они составляют особый пласт синтаксических средств выражения экспрессивности текста.

Включение в авторское повествование конструкций с несобственно-прямой речью может помочь автору, с одной стороны, дать характеристику персонажа, с другой – выразить отношение героев произведения друг к другу. Такая двойственная роль несобственно-прямой речи ярко отражена в описании того, как Ника, жена Нестора, вызвавшегося написать книгу о главном герое, встречает последнего в своей квартире. Описывая этот эпизод, автор включает в повествование вставные конструкции, передающие несобственно-прямую речь героини:

Перед тем как сесть, Ника показывает квартиру писателя. Всё как положено: забытые до предела книжные полки (мужу дарят много книг, мы же их давно не покупаем), где вертикальная расстановка соседствует с горизонтальной. <...> Книжки на столах, на кроватях, на микроволновке и стиральной машине (писатель любит читать в ванной). Ника называет Нестора писате-

лем и очень им гордится» [Водолазкин, с. 43] (здесь и далее разрядка наша – К. К.).

Необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Вставные конструкции являются довольно распространённым приёмом оформления несобственно-прямой речи в тексте. Как отмечает О. П. Глухова, они «передают внутренний мир персонажа, косвенно оценивают его поступки, поведение, речевую манеру» [Глухова, с. 273]. В таком контексте функциональные возможности вставных конструкций накладываются на особенности конструкций несобственно-прямой речи, что, несомненно, создаёт художественную выразительность отрывка.

Уверенность в том, что приведённые в скобках фрагменты относятся к речи героини, создаётся использованием форм 1 лица местоимения и глагола в первой конструкции, что в целом характерно для конструкций прямой речи, и указанием в авторском тексте на то, что использованное во второй вставной конструкции слово *писатель* входит в лексикон героини.

Две конструкции несобственно-прямой речи создают в отрывке словесный ряд текста. По определению А. И. Горшкова, под этим термином следует понимать не только «собственно словарные, лексические ряды, но и ряды всех других единиц и единств, т. е. ряды, которые могут вестись в слова или составиться из слов» [Горшков, с. 55]. Две вставные конструкции с несобственно-прямой речью не только связаны между собой, они вносят дополнительные смыслы в текст. Особое внимание представляет ряд, сформированный словами *муж – писатель*. Он выражает отношение героини к Нестору: она в нём видит не только близкого ей человека, но и признаёт его заслуги как профессионала. С другой стороны, это выдаёт её гордость за мужа и попытку указать на его статус в разговоре со всемирно известным музыкантом. Приём показывает, как раскрываются отношения между персонажами произведения, и становится понятной авторская позиция. Н. С. Валгина называет это «сближением авторского повествования с речью героев» [Валгина, с. 411].

В другом отрывке несобственно-прямая речь, оформленная как вставная конструкция, передаёт интенсивность действий персонажа, который хочет получить необходимую ему информацию:

Человек долга, Нестор с порога уточняет время завтрашнего выезда, но его вопрос остается без ответа. Он не сдаётся и повторяет вопрос иным образом: когда все садятся за стол, поднимает бокал и желает мне с Катей счастливого пути в Мюнхен (кстати,

в котором часу мы выезжаем?) [Водолазкин, с. 265].

Вопросительное предложение, в котором указание на речь персонажа, как и в предыдущем примере, выражено с помощью форм 1 лица местоимения и глагола, семантически усиливает дважды встречающееся слово *вопрос*. Читатель не только узнаёт о поступке героя, но как бы проживает его. Появление самой формулировки вопроса Нестора указывает на сильное переживание героя и значимость исхода дела для него. Особое звучание этот приём получает в контрастном описании: пожелание счастливой поездки другим персонажам сталкивается с личным желанием героя, что создаёт авторскую иронию в тексте. Этот приём является характерным для авторской манеры Евгения Водолазкина.

Другая особенность употребления несобственно-прямой речи в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» заключается в том, что она появляется в эпизодах произведения, отмеченных особой экспрессивностью описания. В таких отрывках текста несобственно-прямая речь выступает как приём создания эмоционального воздействия на читателя. Проиллюстрируем эту мысль примерами из текста.

Первый поцелуй влюблённых описан в романе следующим образом:

Катарина наклонилась к нему, он ощущал ее дыхание. Не ощущал своего... Можно я тебя поцелую? Возникшую паузу заполнила машина за окном. Я никогда не селовалась. Глеб медленно поднял голову и коснулся губами ее полураскрытых губ [Там же, с. 221].

Повествование в отрывке как бы замирает, что позволяет читателю пережить волнение персонажей. Для достижения такого эффекта автор опускает те конструкции, которые оформили бы прямую речь персонажей. Несобственно-прямая речь в отрывке становится средством выражения напряжённости момента. Читатель не знает наверняка, сказали ли герои эти слова друг другу, так как подобные события могут происходить и без слов. В таком случае автор передаёт не только слова героев, но и их внутренние переживания: сомнение Глеба в правильности своих действий и смущение Катарини. Это можно определить по тому, что слова героини не являются ответом на поставленный вопрос, но представляют собой молчаливое согласие. В этом случае подтекст оказывается более важным, чем сказанное. Обе конструкции представляют собой зеркальное повторение друг друга: *я – я, поцелую – селовалась*. Особо отметим, что во второй конст-

рукции автор использует умышленное искажение орфографического облика слова для передачи индивидуальных особенностей речи героини. В научной литературе такое употребление иногда определяется как «графон» [Кухаренко, с. 75]. Использование описанных конструкций передаёт особое эмоциональное напряжение, возникшее между героями.

Сильное эмоциональное потрясение испытывает главный герой при возвращении к обучению игре на гитаре. Это передаётся оформлением разговора с помощью несобственно-прямой речи:

Учительницу интересовало, согласен ли Глеб на такой репертуар? Да, согласен. Радость возвращения в музыкальную школу была такой полной, что он был согласен на всё [Там же, с. 159].

В этом отрывке передаётся спешность ответа героя на вопрос учительницы. Ответ даётся не после раздумий и выбора, а на основании эмоционального решения. Усиливает экспрессивность отрывка троекратное повторение слова *согласен*: в вопросе учительницы, в ответе Глеба и в авторском тексте. Уверенность в правильности решения героя подтверждается словами автора: именно занятие музыкой определит судьбу героя и принесёт ему славу.

Описанные фрагменты с несобственно-прямой речью из романа «Брисбен» о поцелуе влюблённых и возвращении Глеба в музыкальную школу передают яркие положительные эмоции персонажей произведения. Этот приём также может оформлять самые тяжёлые, негативные переживания героев. Так описано бессилие педагога, выражающееся через гневную речь:

Глеб Федорович смотрел на Крюкова, испытывая полноценную ненависть. Ты хочешь оттопыриться перед девочками? Глеб медленно подошел к ученику. Так вот, лучше не делай этого за мой счет. А то что, сдержанно уточнил Крюков [Там же, с. 267].

Слова Глеба Фёдоровича, оформленные как несобственно-прямая речь и звучащие как угроза, противопоставлены почти беззаботной, наглой фразе Крюкова, которая реализована по схеме «прямая речь – слова автора». Это указывает на особые внутренние переживания героя, позволяющего себе те слова, которые не стоило бы говорить педагогу.

Несобственно-прямая речь использована и в самом напряжённом моменте романа – известии о смерти главного героя:

Из операционной выходит пожилой хирург. Выбрали его. Идет медленно. Остановилось сердце... Катя зажимает ему рот, чтобы кричать самой [Там же, с. 402].

Эти два слова, с одной стороны, описывают ситуацию, с другой – они должны быть произнесены врачом, чтобы жена узнала трагическую новость. Однако очевидно, что никто из персонажей не хочет произносить эти слова. В этом отрывке несобственно-прямая речь играет роль усиления выразительности художественной силы воздействия. Употреблённое многоточие указывает на остановку в повествовании, что создаёт напряжённость высказывания.

Проанализированные примеры явно демонстрируют способность несобственно-прямой речи выражать те мысли, эмоции и переживания, которые не всегда требуют слов и оказывают сильное влияние на персонажей произведения. Вместе с ними это эмоциональное воздействие испытывает и читатель. Стирание границ между высказанным и невысказанным с помощью несобственно-прямой можно встретить в следующем отрывке романа:

Вроде бы ничего не говорит, но откуда-то издали слышится ее голос. Если между нами что-то произойдет, я буду жалеть. Ставит меня в известность. Она. Это последнее, что я помню [Там же, с. 103–104].

Оформление слов героини вне указания на их произнесение с помощью несобственно-прямой речи заставляет читателя сомневаться в том, слышал ли герой эти слова, сказала ли героиня их ему или это всё ему почудилось. Это связано с отражением в языке романа описания состояния персонажа. Прерывистость воспоминаний героя на языковом уровне подкрепляется использованием парцелляции: *Ставит меня в известность. Она.* Такое употребление языковых средств передаёт авторскую позицию относительно произошедшего.

Несобственно-прямая речь в романе, оформляющая монолог пана Тадеуша, обращённый к самолётам, выполняет функцию риторического усиления высказывания. Разговор с самим собой, указывающий на неуравновешенное душевное состояние героя, представляет почти театрализованное зрелище. Фразы героя врываются в описание нелепых действий. Их соединение выражает драму жизни героя. Приведём отрывок этого описания:

Вернувшись и вытерев губы, в разговоре с пролетающими мимо пан Тадеуш переходил на шепот. Да, панове, можно сказать, что моя жизнь прошла на этих десяти сотках. Допустим, что она сложилась не так, как я хотел. А может, и просто сложилась. Схлопнулась. Смялась, как этот спичечный коробок (звук сминаемого коробка). Стала, если позволите, узкой [Там же, с. 99–100].

В отрывке речь обращена к самому себе. Это такой способ рефлексии персонажа. Горькая ирония, следующая за улыбкой читателя, позволяет выразить авторское отношение к персонажу через чувство глубокой жалости и сострадания. При этом читатель «слышит» не только слова персонажа, но и звук того, как пан Тадеуш сминает коробок. Эффект драматизации отрывка усиливает авторская ремарка (звук *сминаемого коробка*), оформленная в тексте как вставная конструкция. Наконец, отметим, что наряду с указанными приёмами усиления эмоциональности высказывания в отрывке автором использована градация, включённая в несобственно-прямую речь: *сложилась – схлопнулась – смялась*. Этот градационный ряд, представляющий цепь контекстных синонимов, создаёт имитацию устной, спонтанной речи, подбора персонажем слов для более точной формулировки своей мысли. Совсем не обязательно, что эти слова были произнесены паном Тадеушем. Они могли быть невнятным бормотанием, переходящим из речи в мыслительную деятельность. Эта мысль подкрепляется наблюдениями исследователей: «в форме несобственно-прямой речи чаще передаются невысказываемые мысли героя» [Бабайцева, Масимов, с. 252]. В целом, этот фрагмент создаёт образ героя, передаёт «портрет его души» в монологическом единстве, организованном несобственно-прямой речью.

Напротив, несобственно-прямая речь в романе также оформляет и фрагменты текста, передающие диалоги персонажей. В романе «Брисбен» похожее употребление несобственно-прямой речи встречается неоднократно. Разберём один такой отрывок:

Лежа на Глебовом плече, Анна выдувала дым тонкой струйкой. Глеб смотрел в потолок. О чем ты думаешь, спросила Анна. О смерти. Странно, она потерлась затылком о руку Глеба, странно, что ты думаешь о смерти именно сейчас, – это все равно, что думать о смерти на пляже. Глеб провел пальцем по Аннинному носу. Я видел смерть на пляже... Фу, Анна сбросила его руку. Если будем всегда любить друг друга,

сказал Глеб, то смерть не страшна. Не страшна, понимаешь? Понимаю. Анна встала и сняла с его живота пепельницу. Я помо- юсь? Растянувшись на кровати Анны, он рассмат- ривал оперный театр [Водолазкин, с. 117].

В приведённом отрывке переплетаются раз- личные формы передачи речи двух персонажей. В нём есть предложения, построенные по типу прямой речи, однако в них отсутствует соответ- ствующая пунктуация. Другие конструкции, представляющие фразы героев, вводятся в текст совсем без оформления и представляют собой несобственно-прямую речь. Таким образом, всё диалогическое единство отрывка представляет собой особое художественное пространство тек- ста. Автор пытается передать особенности про- текания реального диалога, не всегда имеющего строго выверенную структуру. В отрывке отра- жена быстрая реакция Анны на фразу Глеба о смерти на пляже (Фу), а последний вопрос оста- ётся без ответа. Реплики перемешиваются с дей- ствиями практически так же, как это могло бы происходить в действительности. Такое оформ- ление диалога в тексте с помощью несобственно- прямой речи создаёт особое течение художест- венного времени, имитирующего реальное. По- добное оформление диалога с помощью несобст- венно-прямой речи можем встретить в несколь- ких других эпизодах романа, в частности в раз- говоре Глеба с учительницей об отъезде семьи Анны [Водолазкин, с. 118] или при изложении Клещуком идеи о пении миллионеру Ивасику [Водолазкин, с. 291]. В последнем случае можно выделить риторический вопрос и риторическое восклицание, имитирующие живую разговорную речь:

Ивасик, в котором еще тлела искра здорового со- мнения, спросил, точно ли его пение будет публике интересно. В ответ Клещук развел руками и словно бы задохнулся от избытка чувств. Конечно бу- дет! Потому что если ее не заинтере- сует пение Ивасика, то что же тогда может такую публику заинтересо- вать? [Там же, с. 291].

В отрывке наигранное поведение Клещука создаёт иронию, отражающую авторское отно- шение к персонажам и их поступкам.

Наконец, в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» встречается употребление несобст- венно-прямой речи для создания ретроспектив- ного повествования, которое возвращает главно- го героя в детскую пору и напоминает ему слова матери. Несобственно-прямая речь в этом от-

рывке включается в диалогическое пространство и выделяется в тексте романа курсивом:

Она и называла его Кук. Кук написал мне, что, помимо города, в честь Брисбена назван кратер на луне. По образованию генерал был астрономом. Или: Кук пишет, что в свободное время генерал Брисбен открыл более семи тысяч звезд. Ты только пред- ставь: в свободное время! [Там же, с. 75].

Эти слова матери проносятся в качестве вос- поминаний в мыслях главного героя. В этом кон- тексте интересно, что они уже никому не при- надлежат, а раскрываются, с одной стороны, как мысли самого героя, которые могут уже не вос- производить слова мамы, а представлять собой собственно сочинение Глеба, с другой – являют- ся авторским включением, потому что и сам ге- рой не воспроизводит их. Они даны автором как справочная информация, необходимая читателю для полноты понимания сути описываемого. Та- ким образом, несобственно-прямая речь оформ- ляет хронотоп повествования, а также становится средством передачи сведений об объекте описа- ния.

Приведённый анализ отрывков романа Евге- ния Водолазкина «Брисбен», построенных с по- мощью несобственно-прямой речи, наглядно де- монстрирует возможности этого приёма переда- чи чужой речи в текстах современной русской литературы как создания экспрессивности вы- сказывания, риторического усиления воздейст- вия на читателя, построения монологических и диалогических единств, объединения отношения автора и персонажей к описываемым событиям, передачи устной, спонтанной речи и преодо- ления границ между сказанным и несказанным. Все найденные случаи употребления несобст- венно-прямой речи в романе свидетельствуют о высоком художественном мастерстве писателя. Евгений Водолазкин так же виртуозно владеет художественным языком, как и герой его романа Глеб Яновский мастерством игры на гитаре.

Список литературы

- Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
- Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1978. 439 с.
- Водолазкин Е. Г. Брисбен: роман. М.: АСТ, 2019. 410 с.
- Ворон П. А. Ритм и несобственно-прямая речь в романе Андрея Белого «Серебряный голубь» // Вест- ник Литературного института им. А. М. Горького. № 2–3. М., 2021. С. 46–55.

Глухова О. П. Несобственно-прямая речь как способ выражения авторской модальности в современной прозе // В мире научных открытий. Красноярск: НИЦ, 2013. № 11(47). С. 269–275.

Горшков А. И. Композиция художественного текста как объект лингвистического исследования // Литературный язык и литература (статьи по истории и теории литературного языка). М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2007. С. 55–63.

Кухаренко В. А. Стилистика английского языка. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 95 с.

Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

References

Babaitseva, V. V., Maksimov, L. Ju. (1981). *Sovremennyi russkii iazyk. Sintaksis. Puntuatsiia* [Modern Russian Language. Syntax. Punctuation]. 271 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)

Glukhova, O. P. (2013). *Nesobstvenno-priamaia rech' kak sposob vyrazheniia avtorskoi modal'nosti v sovremennoi proze* [Non-personal Direct Speech as a Way of Expressing the Author's Modality in Modern

Prose]. V mire nauchnykh otkrytii. Krasnoiarsk, NIC. No. 11(47), pp. 269–275. (In Russian)

Gorshkov, A. I. (2007). *Kompozitsiia khudozhestvennogo teksta kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Composition of a Literary Text as an Object of Linguistic Research]. *Literaturnyi iazyk i literatura (stat'i po istorii i teorii literaturnogo iazyka)*. Pp. 55–63. Moscow, izd-vo Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. (In Russian)

Kukharensko, V. A. (2011). *Stilistika angliiskogo iazyka* [Stylistics of the English Language]. 95 p. Omsk. (In Russian)

Russkii iazyk. Entsiklopediia (1979) [Russian Language. An Encyclopedia]. 432 p. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. (In Russian)

Valgina, N. S. (1978). *Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka* [Syntax of the Modern Russian Language]. 339 p. Moscow, Vysshiaia shkola. (In Russian)

Vodolazkin, E. G. (2019). *Brisben: roman* [Brisbane: A Novel]. 410 p. Moscow, AST. (In Russian)

Voron, P. A. (2021). *Ritm i nesobstvenno-prjamaja rech' v romane Andreja Belogo "Serebrjanyj golub"* [Rhythm and Non-personal Direct Speech in the Novel "The Silver Dove" by Andrei Bely]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo*. No. 2–3, pp. 46–55. Moscow. (In Russian)

The article was submitted on 06.11.2021

Поступила в редакцию 06.11.2021

Калинин Константин Андреевич,
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка
как иностранного и межкультурной
коммуникации,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова Р.М., 28.
filologkalinin@mail.ru

Kalinin Konstantin Andreevich,
Ph.D. in Philology,
Head of the Department of Russian as a Foreign
Language and Intercultural Communication,

Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
28 R.M. Nizametdinov Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
filologkalinin@mail.ru